

Цянь Линьши подошел к Пань Сяоси. Охваченный противоречивыми чувствами, он протянул руки:

— Ты дитя Юй-нян? Ты моя дочь?

Пань Сяоси отползла в сторону:

— Нет. Сыюй — дочь моего учителя, а моя подруга Баобао — настоящая дочь тебя и госпожи Цянь. Сыюй — вторая госпожа, а Баобао — старшая.

Цянь Линьши не опустил рук:

— Откуда... откуда тебе это известно?

Пань Сяоси вжалась в колонну:

— Я залюбовалась видами горы Цимянь и случайно забрела в гробницу рода Цянь. Мне рассказал об этом старый господин Цянь. Он схватил нас с Баобао, но потом отпустил.

Цянь Линьши замер, а Пань Сяоси продолжила:

— Поверь мне, у меня нет злых намерений. Старый господин Цянь, сторбленный, в пестром парчовом халате... узор на нем напоминал медные монеты, цвет был вроде бы алый, но с примесью пурпура. Я не могу точно описать, но говорю правду.

Госпожа Цянь бросилась вперед, подняла с земли меч Юэмин и указала им на Пань Сяоси:

— Нечего тут болтать! Чжэнь-эр — моя родная дочь. Даже если она вылитая та потаскуха, она рождена мною! Даже если у нее от природы те самые лotosовые ножки, которые не нужно бинтовать, она моя плоть и кровь! Чжэнь-эр — моя родная дочь! Как ребенок, которого я выстрадала и вырастила, может быть рожден другой? Это моя Чжэнь-эр, моя родная!

Пань Сяоси вскочила и спряталась за колонну. Цянь Линьши рявкнул:

— Бесстыдство! Брось меч! Ты, ядовитая женщина, что тебе еще остается сказать после всего случившегося?

Чжу Ша слетела с балки, наступила на лезвие меча и крикнула:

— Сяо Шу, уходим!

Пань Сяоси, которая только и ждала момента, чтобы вернуть меч, услышав призыв, подняла голову:

— Учитель!

Увидев Чжу Ша, госпожа Цянь окончательно потеряла рассудок:

— Потаскуха, говори! Чжэнь-эр — твоя родная дочь?! Ты не победишь меня! Ни живой, ни мертвой! Она моя плоть и кровь, как бы я стала растить твоего ребенка? А где мой? Где мой ребенок?! Говорите, где она? Все это ложь, вы дурачите меня!

Госпожа Цянь мотала головой, как безумная, украшения сыпались с волос, но она не обращала

на них внимания. Бормоча что-то невнятное, она взмахнула мечом Юэмин и начала беспорядочно рубить воздух в сторону Чжу Ша.

Цянь Линьи, глядя на ее растрепанные волосы и дикое поведение, закричал:

— Ты сошла с ума? Прекрати немедленно! Ты хочешь погубить наш дом? Остановись!

Госпожа Цянь не слушала, она продолжала преследовать Чжу Ша, неся бред, словно потерявшая душу. Пань Сяоси рванула Чжу Ша в сторону, и меч госпожи Цянь вонзился в деревянную колонну. Брызнули щепки, одна из них попала госпоже Цянь в глаз, потекла кровь, но она даже не вздрогнула. Одержимая яростью, она бросилась на Пань Сяоси. Та попыталась вырвать меч, но промахнулась и отпрянула:

— Учитель, бежим, она действительно обезумела!

Госпожа Цянь, сверкая окровавленным глазом, прошипела:

— Это ты сумасшедшая! Ты, безумная девка без роду и племени, принесла в поместье Цянь одни несчастья! Ты — самая большая помеха!

Она переключилась на Пань Сяоси, нанося яростные удары.

— Матушка! — раздался за порогом испуганный крик Цянь Сьюй.

Пань Сяоси обернулась:

— Чжэнь-эр, беги отсюда, она не в себе!

Госпожа Цянь обернулась и расхохоталась:

— Я должна была догадаться, что ты не моя! Иначе как бы ты выросла такой? Что ж, в благодарность за шестнадцать лет воспитания я сама отправлю тебя на тот свет!

Она замахнулась мечом на Цянь Сьюй. Девушка застыла, вцепившись в дверной проем, не в силах пошевелиться от ужаса. Сицюэ бросилась ей наперерез, Цянь Линьи прыгнул следом, а Чжу Ша заслонила собой Цянь Линьи, обмотав рукав вокруг клинка Юэмин. Госпожа Цянь дернула меч, разрезав белую ткань, но, пытаясь нанести колющий удар, оступилась и рухнула на пол. Подбородок пришелся прямо на острие меча, стоявшего вертикально. Она замерла.

Пань Сяоси приложила руку ко лбу, прислонившись к колонне. Глядя на кровь, сочащуюся из шеи госпожи Цянь, она подумала: еще одна смерть. Цянь Сьюй вытянула шею, глядя на мать с рассеченным подбородком, и пронзительно закричала:

— Матушка...

Она рванулась вперед, но Цянь Линьи преградил ей путь рукой, указав на Чжу Ша:

— Твоя настоящая мать здесь, а не она. Не подходи.

Он опустил на пол и зарыдал:

— Неужели я проклят? Боже, обе мои жены мертвы, зачем мне жить дальше?

Цянь Сыюй долго смотрела на Чжу Ша, прежде чем прошептать:

— Но отец, она... она...

Она снова обернулась к телу госпожи Цянь:

— Матушка! — и зарыдала в голос. Сицюэ вытирала слезы:

— Господин, барышня, не убивайтесь так.

Пань Сяоси тоже хотела утешить их, но, глядя на тела госпожи Цянь и даоса Сюаньмина, почувствовала горечь. Неужели я была так наивна, думая, что могу вмешаться в чужие дела? Она сползла по колонне на пол. Ей было не по себе, особенно от вида убитой горем Цянь Сыюй. Я обещала защитить ее, не дать ей причинить вред, а в итоге стала причиной ее страданий. Вина? Стыд? Она не могла разобраться в своих чувствах.

Цянь Линьши вдруг вскочил и рявкнул на дочь:

— Я сказал, не подходи! Ты не слушаешь отца? Твою мать звали Юй-нян, а тебя называли Сыюй, потому что в день твоего рождения она скончалась. Сыюй — это тоска по Юй-нян. А та женщина, которую ты оплакиваешь, сама погубила себя! Довольно! Перестань плакать! Если бы я сам приговорил ее, это дошло бы до императора, и нас обвинили бы в тяжком преступлении, казнили бы весь род. Хорошо, что она покончила с собой. Это несчастный случай, все это — несчастный случай.

Он вытер слезы:

— Я устал. Сицюэ, уведи барышню в ее покои, распорядись, чтобы слуги привели все в порядок. Похороните ее этой же ночью и вынесите из поместья. Всем объявите, что госпожа скорпостижно скончалась от болезни, а даос пытался испробовать лекарство, но яд поразил сердце, и спасти их не удалось.

— Слушаюсь, господин, — Сицюэ поклонилась и последовала за ним.

Чжу Ша внимательно смотрела на Цянь Сыюй:

— Юй-эр...

Цянь Сыюй, сидя на полу, всхлипнула и закричала на Пань Сяоси:

— Пань! Сяо! Си! У меня больше нет матушки! У-у-у...

Пань Сяоси подбежала и обняла ее:

— Прости меня, я... я...

Цянь Сыюй колотила ее кулачками:

— У меня нет матушки, нет матушки! Я не хочу, чтобы у тебя была матушка!

Пань Сяоси криво усмехнулась:

— У меня тоже ее нет. Моя мама... она умерла, когда я была совсем маленькой. Мы с тобой одинаковые, не плачь, ладно? Твоя настоящая мать хотя бы рядом с тобой, посмотри, моя мама даже не вернулась, чтобы увидеть меня.

Она улыбнулась Чжу Ша. Та закусила губу, все еще робко позвав:

— Юй-эр...

Цянь Сыюй посмотрела на улыбку Пань Сяоси, нахмурилась, скривила губки, шмыгнула носом и уткнулась лицом в грудь Пань Сяоси:

— Подними меня и отнеси в комнату.

Пань Сяоси чувствовала, как та нарочно игнорирует Чжу Ша. Она молча подняла девушку на руки, и, опустив взгляд, заметила на ее туфлях кровавые пятна. Чжу Ша опередила ее:

— Юй-эр, что с твоими ногами?

Цянь Сыюй бросила на нее взгляд:

— Меня зовут Чжэнь-эр, а не Юй-эр.

Пань Сяоси, неся ее, сказала:

— Учитель, ее ноги, возможно, ранены. Не волнуйся, я осмотрю ее в комнате.

Внезапно в зал метнулась черная тень. Пань Сяоси почувствовала укол в плечо, ее руки онемели, она не могла ни пошевелиться, ни опустить Цянь Сыюй. Девушка тоже замерла с открытым ртом — ее тоже лишили возможности двигаться. Они смотрели друг на друга огромными глазами. Человек в черном подошел к телу госпожи Цянь, пнул его в сторону, достал желтый мешок и набросил на Чжу Ша. Закинув мешок на плечо, он выпрыгнул из дверей и исчез.

Вдали слышались крики стражи:

— Убийца! Хватайте убийцу!

Пань Сяоси не могла даже усмехнуться. Реакция была слишком медленной! Когда он был здесь, никто не кричал, а теперь, когда он ушел, они решили побегать? Она вспомнила движения нападавшего: он пнул тело, потому что оно мешало? Или загоразживало путь? Впрочем, неважно. В зал ворвались стражники. Один из них закричал:

— Убийца здесь, он держит барышню!

Пань Сяоси широко открыла глаза. Какая наглая ложь! С этими людьми она уже дралась у колодца. Другой стражник поднял меч Юэмин и спросил Пань Сяоси:

— Это твой меч?

Она закрыла глаза. Как же мучительно быть немой! Любой идиот поймет, что убийца сбежал. Разве стал бы преступник, похитивший дочь шаншу, стоять на месте преступления и ждать,

пока его схватят вместе с жертвой, да еще и в такой неудобной позе? Она почувствовала, как руки ослабли, открыла глаза — Цянь Сыюй уже унесли. Она попыталась пошевелить плечами, но не смогла. Удар дубиной по затылку — и Пань Сяоси провалилась в темноту.

В мрачной темнице Пань Сяоси висела на деревянном кресте, руки были связаны за спиной. Боль в плечах привела ее в сознание. Увидев стражников, она закричала:

— Снимите меня! Я не Иисус! Вы же знаете меня, правда? Это недоразумение! Я не убийца, я телохранитель вашей барышни! Где господин Цянь? Позовите своего шаншу, пусть он узнает меня!

Последовал удар плетью. Стражник засмеялся:

— Кем ты себя возомнила? Думаешь, господин придет по первому твоему зову? Ха-ха, насмешила! Если не проучить тебя, ты так и не поймешь своего места.

Плеть полосовала ее тело, разрывая одежду. Пань Сяоси терпела боль:

— Это беспредел! Вы творите самосуд, где же справедливость?! Дикари!

Другой стражник сказал:

— Братцы, посмотрите, какая нежная кожа у этой девки, нельзя с ней слишком грубо.

Он указал на открытый участок кожи на плече. Пань Сяоси дернулась:

— Что вы задумали? Предупреждаю, не испытывайте мое терпение!

Кто-то усмехнулся:

— Послушайте, у нее еще есть характер! Ха-ха, снимайте ее.

Когда ее опустили, она все еще оставалась привязанной к столбу. Пань Сяоси попыталась высвободить запястья, но безуспешно. Стражники окружили ее, их грязные руки тянулись к ее лицу и телу. Пань Сяоси взревела:

— Убрались!

Она ударила ногой, но ее схватили. Пань Сяоси извернулась, но боль от ран пронзила все тело. Как победительница множества соревнований по боевым искусствам, она давно забыла, что такое настоящая боль, и теперь судьба решила напомнить ей об этом. Пока она лихорадочно соображала, как справиться с толпой, ей надели деревянные колодки — руки зафиксировали перед грудью, а шею зажали в доске. Стражники знали, на что она способна, поэтому связали ей ноги. Неужели она стала узницей? Пань Сяоси истошно закричала:

— Помогите!

Ее пальцы прижали к доске и ударили палкой — от боли руки задрожали.

Ведро ледяной воды вылили ей на голову. Пань Сяоси задрожала и осела на пол. Глядя на распухшие пальцы, она с ненавистью смотрела на этих варваров. Двое стражников схватили ее за запястья, прижав к колодкам, другие начали вгонять серебряные иглы прямо под ногти. И не просто втыкали, а медленно вращали, загоняя все глубже в плоть. Лицо Пань Сяоси искажилось от боли, она закусила губу до крови. Если убьете — так убьете, а если выживу и докажу свою невиновность, я вам отомщу!

В заднем дворе резиденции Цянь Линьши спешно шел по делам, когда позади раздался голос:

— Отец, подождите!

Он обернулся, его суровое лицо немного смягчилось:

— Чжэнь-эр, почему ты не отдыхаешь в своей комнате? Здесь дует, возвращайся.

Сицюэ, заметив взгляд Цянь Линьши, отступила на шаг. Цянь Сыюй спросила:

— Отец, где Сяоси? Я видела, как стражники увели ее. Она не убийца, это был кто-то другой.

Цянь Линьши ответил:

— Как девица Пань может быть убийцей? Если бы она хотела причинить вред нашему дому, она бы сделала это в первый же день. Я человек рассудительный, я уже велел страже отпустить ее, лично извинился и выпроводил за ворота. Чжэнь-эр, сегодня ночью похороны твоей матушки, у меня много дел. Будь послушной, иди отдыхать, не заставляй меня волноваться.

Цянь Сыюй закусила губу:

— Но... я хотела знать, куда она отправилась.

Цянь Линьши посмотрел в небо:

— Она человек из мира воинов, мир огромен, откуда мне знать, куда она пошла? Не беспокойся о ней, заботься о своем здоровье, ты сегодня столько пережила.

Он бросил взгляд на Сицюэ:

— Почему еще не проводила барышню?

Сицюэ подхватила Цянь Сыюй под руку:

— Барышня, пойдемте. Не волнуйтесь, девица Пань такая искусная, она всегда приходит и уходит, когда захочет. Как только освободится, обязательно вернется к вам.

Цянь Сыюй поклонилась:

— Отец, я пойду.

Цянь Линьши проводил ее взглядом, а затем поспешил к темнице. Пань Сяоси, опустив голову, смотрела на свои кровоточащие пальцы. Говорят, пальцы связаны с сердцем — боль была

невыносимой.

— Господин! — хором воскликнули стражники.

При виде Цянь Линьи у Пань Сяоси промелькнула надежда. Глаза наполнились слезами:

— Господин Цянь, вы наконец пришли! Прикажите им отпустить меня, я не убийца, вы же знаете!

Цянь Линьи посмотрел на нее:

— Выйдите.

Сердце Пань Сяоси екнуло. Радость исчезла. Она не могла поверить, что его взгляд был таким холодным, словно он смотрел на незнакомку. Она усмехнулась про себя: конечно, она и есть незнакомка, а вела себя так, будто они старые друзья. Слишком самоуверенно. Цянь Линьи обошел камеру:

— Девица Пань, есть ли у вас последнее желание?

Пань Сяоси приоткрыла рот. Убрать свидетеля? Неужели все так серьезно? Она глубоко вздохнула:

— Господин Цянь считает, что я слишком много знаю?

Цянь Линьи усмехнулся:

— Вы действительно умны.

Пань Сяоси разозлилась:

— С чего вы взяли, что я разболтаю? Я здесь никого толком не знаю!

Цянь Линьи смотрел на маленькое окошко под потолком:

— Я не думаю, что вы кому-то расскажете. Я знаю лишь то, что только мертвые хранят тайны вечно. Поскольку вы защищали мою дочь, я исполню ваше последнее желание, если смогу.

Пань Сяоси ответила честно:

— Я никогда не думала, что умру. У меня слишком много желаний.

Цянь Линьи повернулся и поманил стражу:

— Тогда даю вам несколько дней на раздумья. Если хотите жить — забудьте об этом, кроме этой камеры, вы никуда не уйдете.

Стражник принес меч Юэмин. Цянь Линьи указал на него:

— Это орудие убийства моей жены.

Он обернулся к охране:

— Бросьте ее в камеру. Принесите чашу яда, верните ей меч, дайте бумагу и кисть. Пусть напишет предсмертную записку и уйдет из жизни сама. Никому не приближаться и не

приходить с визитами, особенно барышне. Ни слова проболтаться, иначе — смерть. Если она не захочет сама, я доложу в министерство наказаний и добьюсь казни.

Осенний ветер кружил опавшие листья платана во дворе. Цянь Сыюй сидела на скамье и мастерила фонари. Сицюэ подала ей готовый бамбуковый каркас:

— Барышня, этих фонарей Конмин достаточно, не так ли? Давайте я помогу. Холодает, вам не холодно?

Цянь Сыюй покачала головой, проверяя белый фонарь:

— Ветер сильный, значит, он улетит дальше. Сяоси обязательно увидит. Сицюэ, сделай еще несколько.

Сицюэ пожаловалась:

— Но барышня, она ведь даже не попрощалась. Мир такой большой, сколько же фонарей нужно сделать?

Цянь Сыюй взяла кисть и погрузилась в раздумья. Сицюэ плела бамбуковую полоску:

— Раньше вы всегда радовались, запуская фонари, а сейчас... мне даже плести не хочется.

Цянь Сыюй улыбнулась:

— Да, в этом году все иначе.

Она начала выводить на бумаге контуры, рисуя глаза и брови, и спросила:

— Похоже?

Сицюэ засмеялась:

— Кто это? Такая уродливая.

Цянь Сыюй отошла на пару шагов:

— И правда, уродливая. Почему не получается? Знаешь, Сицюэ, Сяоси совсем не похожа на людей из мира воинов. Там везде мечи, кровь, а она... даже если ее ранят, у нее на коже не остается ни шрама, ни пятнышка.

— На коже? Барышня, вы и это проверяли? — Сицюэ вдруг осенило. — О, я поняла! Я думала, вы просто причесывали ее, когда я меняла ей одежду. Барышня, вы правы, ее кожа даже нежнее вашей.

— Кхм, кхм! — Цянь Сыюй покраснела. Сицюэ схватила чайник, но он оказался пустым. Она побежала за водой:

— Барышня, я не то имела в виду, не сердитесь! Я принесу чаю, здесь ветер сильный, потерпите немного.

Цянь Сяюй смотрела вслед служанке, нарочно закашлявшись сильнее. Она посмотрела на искаженное лицо на фонаре и подумала: если я нарисую тебя, где бы ты ни была, тот, кто найдет фонарь, узнает тебя по этому лицу. Сяоси, ты говорила, что если я захочу стать твоей женой, то должна запустить фонарь. Но я просто хочу знать, что ты жива. Если увидишь его — не пойми неправильно.

Пань Сяоси, лежа на полу с кистью в руке, вылила яд в тушечницу и начала растирать тушь. Она смотрела на крысу в углу камеры:

— Эй, смелая? Раз ты так хочешь умереть, я не стану мешать. Угощайся.

Крыса подошла к тушечнице, макнула усики в ядовитую тушь, запищала, забилась в конвульсиях и замерла лапками кверху. Пань Сяоси оцепенела: так быстро?

<http://bllate.org/book/19160/1881349>